

3.02.2005
Пореченков Михаил

16

БЛИЗКИЕ ТВ КОНТАКТЫ

3 ФЕВРАЛЯ 2005
ЧЕТВЕРГ

ВМ

СТР.
15

РОМАНТИК С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

ТВ БЛИЦ

**А по-вашему,
«Запретная зона» —
это игра по правилам?**

Владимир СОЛОВЬЕВ,
телеведущий:

— Знаете, когда мне задают такие вопросы, возникает ощущение, что вернулись коммунисты, мне звонит сам товарищ Геббельс и строго спрашивает: «Не закрыть ли нам «Запретную зону»? Что-то не устраивает — подавайте в суд, требуйте, чтобы шоу убрали из эфира.

Григорий ТВАЛТВАДЗЕ,
спортивный комментатор:

— Я такие программы просто не смотрю. Хотя, если у шоу есть зритель, значит, оно имеет право на существование. Вопрос в том, кто его зритель? При том, что я весьма уважаю Пореченкова как актера, «Запретная зона» — не моя программа. Как и «Окна», «Большая стирка», «Моя семья». Все, что началось с Валерия Комиссарова, — с подставными героями, скандалами, — это мимо меня. Мимо кассы, так сказать. Там жизни нет!

ЛОЛИТА, певица:

— Не могу сказать, что стала фанаткой «Запретной зоны», но Пореченков довольно обаятельный. Да и вообще, что в этом такого? Кто-то балдеет от «Фабрики звезд», кто-то от «Запретной зоны». Раз программу смотрят — значит, людям нравится.

Тина КАНДЕЛАКИ, телеведущая:

— Эта программа не в моей системе координат, но я допускаю, что ее смотрят люди. То, что ниже пояса, всегда интересно. Мне не нравится подглядывать и подслушивать, потому что у меня своя насыщенная жизнь и семья большая, так что есть за кем приглядеть. А кому-то нравится.

«ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА»: ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

«Запретная зона» — это телевизионное детективное агентство, которое ведет наблюдение с помощью скрытых камер за объектом, которого называет заказчик. Расследование проводят лицензированные частные детективы, с которыми сотрудничает программа. Стать участником «Запретной зоны» может любой, но с обязательным условием: материалы будут показаны публично на съемках программы. Агентство берется за любое дело — будь то супружеская измена или поиск без вести пропавших людей. Чаще сюда обращаются люди, которые подозревают в нечестности своих близких и не готовы возбуждать уголовные дела против них. Кроме установки камер и подслушивающих устройств, сыщики «Запретной зоны» используют методы внедрения агента в преступную среду и сотрудничество с силовыми структурами. Частный детектив не имеет права транслировать в эфире изображение человека, который не дал на это своего согласия — поэтому некоторые сюжеты в эфир не выходят вообще, либо инсценируются актерами.

Вот такая улитка!

— Сюжеты в программе так хитро закручены, что создается впечатление, будто все это неправда...

— Попробуйте проанализировать хотя бы один день из своей жизни, и вы поймете, что это самый сложный и страшно запутанный детектив — вот такая вот улитка! (Показывает.) Сегодня я летел на самолете из Питера, не мог сесть, потому что погода испортилась. Кто-то мне на ногу наступил, кто-то меня вспомнил — вокруг целая куча событий!

— В «Запретной зоне» выставляются на всеобщее обозрение сцены подлости, предательства, измены. У вас нет ощущения, что это игра без правил?

— А зачем этого бояться? Такова жизнь. Я думаю, что для героев программы это серьезный повод узнать и изменить себя. Надо сказать, что в «Запретную зону» никто никого насильно не тащит. Люди хотят знать правду и сознательно идут на это. Ну а как повернутся события, никто не знает. Кто-то нас потом благодарит, а кто-то жалеет о том, что к нам обратился.

— Какое, на ваш взгляд, разоблачение было самым сногшибательным?

— Когда у нас в программе воровали деньги. Мы нашли этого человека: поставили камеры, провели закрытое расследование. Вором оказался сотрудник съемочной бригады. Мы показали ему отснятые кадры. Внутри редакции сюжет произвел эффект разорвавшейся бомбы.

— Иногда вас сравнивают с Дмитрием Нагиевым. Может, потому, что ваши программы похожи?

— Разве? По-моему, ничего общего. А вообще, Дима — мой наставник.

Он — борец, спортсмен, на лыжах хорошо катается. Вот стиль катания на лыжах у нас, действительно, одинаков (смеется).

Слава приходила постепенно

— Актер должен быть популярным?

— Актер должен делать свое дело. Как и все остальные. Если профессия требует популярности — тогда да. А в целом — это личное дело каждого.

— Вы стремились к популярности?

— Конечно, стремился. Я даже успел переболеть звездной болезнью.

— А в чем она проявлялась?

— Она как гидра, у нее много голов — каждая жалит, кусает окружающих тебя людей. Тогда я сам себе не нравился.

— Плохой актер может быть популярным?

— Конечно! Именно плохой актер и будет популярным.

— Вы себя считаете плохим актером?

— Я еще пока себя и актером-то не считаю. Я пока только начинаю что-то понимать в этой профессии.

— Когда вы почувствовали, что вот она — слава народная. Наверное, после «Агента национальной безопасности»?

— Нет, слава приходила постепенно. Я долго и тупо, день за днем, работал над тем, чтобы стать узнаваемым: днем — театр, вечером — съемочная площадка. Тогда я был счастливым, тогда мне ничего не надо было — только работа. Потом меня накрыло, я начал, и не без удовольствия, вкушать плоды своей популярности. Сейчас я опять откатываюсь к тому, что должен просто ра-

ботать и ничего не ждать от этой профессии.

— Какую роль не согласились бы сыграть?

— Нет таких ролей.

— Даже, допустим, трансвестита?

— (Смеется.) О-о, с большим удовольствием!

— Не устали от образа сурового парня, обвешанного оружием?

— Если посмотреть все мои роли в театре и кино, там много разных характеров. А что касается «сурового парня», что я могу с этим сделать? Что снимают, то и играем. Если бы у нас самыми популярными жанрами были мелодрама или комедия положений, я думаю, что и там нашел бы свое место.

Я беднее Билла Гейтса

— Вы романтик?

— Ага. С большой дороги (смеется). Конечно, романтик.

— Много безумных поступков совершили?

— Много. Сын родился, я сказал, что прыгну с парашютом. Прыгнул.

— По-моему, это сейчас довольно распространенное развлечение.

— Если исходить из элементарной человеческой логики, то прыгать из летящего самолета — это безумие. Надеть акваланг и погрузиться на глубину 30 метров без инструктора — безумие, равно как и в 35 лет сесть на мотоцикл. Кстати, заниматься этой профессией и ждать от нее финансового благополучия — тоже безумие.

— Вы не можете себя назвать финансово благополучным?

— По сравнению с Биллом Гейтсом или Джеком Николсоном — нет.

— Вам нужно много денег?

— Мне нужно столько денег, чтобы чувствовать себя достойно. Я бы не отказался от внутреннего спокойствия и уверенности в завтрашнем дне.

— Как выглядит ваш персональный рай?

— Надо подумать... Я могу сказать, что вижу халат, тапочки... Рядом собака, большая библиотека, кресло-качалка, хороший коньяк. За окном — плещется море. Вот так, наверное.

— А как же домочадцы?

— Вокруг сидят. Мне кажется, персональный рай — это в первую очередь состояние души и атмосфера вокруг. Ощущение спокойствия в доме, когда вокруг бушует стихия. Вот мой друг, актер Слава Разбегаев, например, о счастье рассуждает так: «Я бы хотел, чтобы вот здесь было большое окно, там — море, гроза и шторм. А я сижу в уютной комнате, в Интернете». (Смеется.) Я более прозаичен: кресло-качалка и собака.

— То есть — высокие технологии не для вас? Вам бы поближе к природе?

— Ближе к семейному теплу. (Мечтательно.) Камин, потрескивают дрова. Здесь охотничьи трофеи: ружья, кинжалы.

— Шкуры убитых вами животных...

— Нет! Нету шкур! (Смеется.) Призы за сбитые тарелки. Фотографии друзей, семьи... и скрип кресла-качалки «и-и-и...» И где-то шум моря, как в раковине. Сейчас это вой турбины двигателя машины — «ж-ж-ж».

— Призы за сбитые тарелки — как-то слабовато для человека, увлекающегося охотой.

— Вы знаете, как говорят? Купил норную собаку — будешь охотиться не с ружьем, а с лопатой. И точно, я хожу с лопатой. Собака уходит в нору и дерется там со зверем, а я прислушива-

юсь и раскапываю. Достая зверя, в последний раз это был енот, фотографируюсь с ним, потом выпускаю, беру собаку и ухожу.

И Голливуд будет, и Канны!

— Вы большой поклонник активного образа жизни: и парашюты, и охота, и всевозможные виды единоборств. Как все успеваете?

— Все происходит спонтанно. Как-то мы сидели с друзьями, я говорю: «А что мы тут сидим? Тут проехать 20 минут, и склон хороший». Поехали, покатались на лыжах. А там еще и снегоходы есть. Или в Севастополе, в пять утра меня друзья растолкали — поехали прыгать. Не вопрос! Все зависит от настроения, иногда я могу сказать жене: давай никуда не пойдем, посидим дома, купим новых DVD, посмотрим кино. Выкраивать свободное время — не такая уж и проблема, если у тебя есть менеджеры и директора. Они за меня планируют мое рабочее время, а я решаю, на что мне потратить свободное.

— И на светские тусовки потратите?

— Я не хожу в клубы, на дискотеки, модные тусовки. Не люблю этого. Там много глупых людей.

— Вы дружите с Константином Хабенским. Не ревнуете к успехам друг друга?

— Друга можно узнать, когда у тебя большая радость. Он к этому нормально относится. С Костей мы дружим еще со времен царя Гороха. Известность нас не рассорила, чему я безумно рад. Хотя определенную зависть к успехам друг друга мы испытывали. Мы же живые люди, в конце концов.

— Вредные привычки у вас есть?

— В целом, вся моя жизнь — вредная привычка. Заниматься этой профессией и вести здоровый образ жизни — труднодостижимо. Но я стараюсь.

— А слабости?

— Дети — моя слабость. Отказывать себе в чем-либо — моя слабость.

— Балуете своих детей?

— Всенепременно!

— На кого они похожи?

— У них свой собственный характер. Они не похожи ни на меня, ни на маму — они сами на себя похожи. Это дети индиги. Они знают, что делать в этой жизни, их не сбить с этого пути. Они у меня родились после наступления новой эры — эры Водолея, и они совсем другие. Они сами по себе — они живут своей внутренней жизнью. Я могу их только поправлять, а они сами придут к цели, к той, которую намечили изначально.

— Чье мнение для вас всегда было авторитетным?

— Моей мамы. Она меня воспитала, открыла для меня истины, казалось бы, простые, но до которых ты не всегда можешь дойти самостоятельно. К ее мнению я до сих пор прислушиваюсь.

— Какие программы смотрите по телевизору?

— «В мире животных», «Спокойной ночи, малыши!» Прогноз погоды не пропускаю, поскольку гуляю с детьми. Ну и бокс — для души.

— Вы как-то обронили фразу, в которой мне послышалась обреченность: мол, рано меня сбрасывать со счетов.

— Ну, в общем, так и есть. Пока живу, пока дышу, буду штурмовать вершины кинематографа. У меня еще все впереди. И Голливуд еще будет, и Канны!

Светлана ФЕДОТОВА

ДОСЬЕ «ВМ»

Михаил Пореченков родился 2 марта 1969 года в Ленинграде. Учился в школе-интернате в Варшаве. Поступил в Таллинское военно-политическое училище. В 1996 году окончил Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии (курс В. Фильштинского). Работал в петербургском театре «На Крюковом канале», затем был принят в труппу Академического театра имени Ленсовета. В 2002 году вместе с Константином Хабенским приглашен О. Табаковым в МХТ им. Чехова. Снимался в фильмах и сериалах: «Тело будет предано земле, а старший мичман будет петь», «Горько!», «Механическая сюита», «Вовочка», «Агент национальной безопасности», «Улицы разбитых фонарей», «Бандитский Петербург», «Спецназ». На питерском ТВ вел программы «Арсенал» и «Экстрим». Возглавляет продюсерский центр «Брат». Женат. Воспитывает сына Мишу и дочь Машу, которая родилась 26 декабря 2004 года. От первого брака у актера есть 6-летняя дочь Варя.